

Слободин С.Б.
СВКНИИ ДВО РАН

ГРАВИРОВАННАЯ РУКОЯТКА СКРЕБКА: ОБРАЗЕЦ ЧУКОТСКОЙ ЖАНРОВОЙ ГРАВИЮРЫ

В 1960 г. сотрудник ДВНЦ АН СССР, геолог О.Н. Иванов (см. фото) на южном склоне м. Дежнева в Беринговом проливе, между пос. Уэлен и м. Литке (в том числе и у м. Верблюжий) открыл несколько древних эскимосских стоянок, отдельных захоронений и Эквенский могильник.

В специальной монографии С.А. Арутюнова и Д.А. Сергеева «Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник)» [1975], освещающей материалы раскопок на Эквенском могильнике, говорится, что «еще в сентябре 1960 г. нами было получено сообщение от геологов, работавших у мыса Верблюжьего, что ими в районе р. Эйлюкеу обнаружены на поверхности земли человеческие черепа и кости». Об открытии О.Н. Иванова писал и Н.Н. Диков в монографии, посвященной исследованиям на Северо-Востоке Азии [1977. С. 36, 252].

О.Н. Иванов в своей статье дал краткое описание открытых им памятников и некоторых вещей, найденных при их осмотре [Иванов, 1967]. Это открытие стало основой широких археологических исследований в 1962–1967, 1970–1974, 1987–2001 гг. и ведущихся в настоящее время на месте Эквенского поселения и могильника. Но, к сожалению, сейчас, спустя почти полвека со времени открытия Эквена, стали забывать имя первооткрывателя памятника. Например, в диссертации по древнеэскимосской культуре, написанной на материалах археологического комплекса Эквен, сказано, что он был открыт «в 1960 г. экспедицией М.Г. Левина, Д.А. Сергеева и С.А. Арутюнова...» [Днепровский, 2001. С. 5]. Так что

имеет смысл напомнить имя первооткрывателя Эквенского могильника и поселения – Олега Николаевича Иванова, тем более, что не все найденные им тогда вещи были подробно описаны.

В одном из пунктов вблизи м. Дежнева, обозначенном в статье О.Н. Иванова [1967] под № 3, были найдены захоронения и собраны вещи эскимосского происхождения: цепочка, маленький сосуд, блок, пластина со скульптурами китов и др., все вырезанные из моржового клыка. Их датировали пунукским [Иванов, 1967] или древнеберингоморским [Диков, 1979. Рис. 73] временем. Здесь же была найдена и рукоятка скребка. Она описана очень кратко и без иллюстрации: «...двуручная рукоять из моржового клыка с выемкой для каменного скребка посередине. Ее концы оформлены в виде вилородных двузубых завершений. Поверхность скребка расчленена на секции, внутри которых выгравированы стилизованные многоплановые рисунки: охота на китов и забой оленей» [Иванов, 1967. С. 42–43]. Между тем, изделие настолько интересно и информативно, что стоит дать его подробное описание и сюжетов, на нем изображенных, и фото самих рисунков.

Поверхность рукоятки покрыта художественной резьбой – орнаментом и сюжетами в пиктографическом стиле, изображающими сце-

ны зверобойного промысла, упряжек оленей, фигурки людей, оленей и др. Е.П. Орлова в описании изделий резной кости народов Северо-Востока и Аляски определяет этот стиль как «рисунок ... в старой манере» [1964. С. 35]. С.В. Иванов [1954], характеризуя изобразительное искусство эскимосов XIX – начала XX в., называет такие рисунки «старинными гравированными изображениями». По своей выразительности рисунки не уступают лучшим известным образцам подобного рода с Чукотки.

Рукоятка длиной 56 см имеет подпрямоугольное сечение с закругленными углами. По середине размеры рукоятки 3,15 x 2,25 см, по краям – приблизительно 2,5 x 1,8 см. На концах расположены округлые расширения с двумя короткими (длиной до 1,2 см) выступами в виде шипов, имеющими свежие повреждения.

По центру рукоятки для закрепления скребка располагается паз шириной 0,5 см, длиной 4,5 и глубиной 2 см. Края пазы неровные, и, судя по контуру, он сделан с помощью нескольких засверленных отверстий, между которыми затем были убраны перемычки. По краям пазы эти засверленные отверстия сохранились: они использовались

Сергей Борисович Слободин – старший научный сотрудник лаборатории истории и археологии, к.и.н.

для закрепления скребка в пазу с помощью деревянных распорок. Лезвие скребка, судя по следам ржавчины в пазу, было железным, а не каменным, как предполагалось первоначально [Иванов, 1967]. Подобные по форме двуручные скребки представлены в описании и на иллюстрациях чукотских материалов В.Г. Богораза [1991]. Однако эти рукоятки скребков сделаны из дерева, округлые в поперечном сечении и не имеют никаких изображений на поверхности. Кроме того, по краям у них нет никаких утолщений и выступов.

По патине на скребке можно сделать вывод, что в течение некоторого времени он находился частично в земле и частично на поверхности: его поверхностная часть покрыта лишайниками, а часть, которая была в земле, – желтоватой патиной. Возраст скребка, судя по его сохранности и внешнему виду, качеству кости и патине, а также использованию металлического лезвия, предположительно около 100 лет. По стилю нанесения рисунков и сюжетам можно дать тот же возраст. Лихенометрическая экспертиза лишайников, покрывающих рукоятку, проведенная сотрудником СВКНИИ ДВО РАН, к.г.н. А.А. Галаниным, также показала, что их возраст около 100 лет. Таким образом, методика лихенометрического датирования, применяемая геологами, может успешно использоваться для определения возраста некоторых этнографических и археологических предметов, экспонированных длительное время на поверхности, что очень распространено в Арктике, по скорости роста на их поверхности лишайников (принимая во внимание это обстоятельство, не следует спешить очищать поверхность артефактов от корки лишайников до осмотра их специалистом по лихенометрии).

Рисунки на поверхность рукоятки нанесены металлическим резцом, некоторые из них очень тонкие и глубокие. Сохранность рисунков хорошая. На одной из плоских сторон рукоятки они совершенно не повреждены; кость желтовато-белая, заполированная. На других поверхностях рукоятки рисунки частично покрыты лишайниками. В некоторых местах, у концов рукоятки, рисунки, судя по заполировке, затерты при ее использовании по на-

значению. Рисунки нанесены на все четыре плоские поверхности рукоятки – две широкие и две узкие. Все они содержат общие элементы, но композиционно не связаны. Каждая из широких поверхностей рукоятки разделена на 2 композиции, ограниченные рамками. Они занимают большую часть плоских широких поверхностей рукоятки. На ее концах изображены небольшие сюжеты вне рамок (для точности передачи изображений их сканировали, а затем полученные изображения прорисовывали тушью).

Плоскость 1. Композиция 1 (рис. 1, 1).

На одной широкой поверхности, в одной из рамок (длина 19 см) в центре сюжета изображена охота на кита с лодки. Лодка показана контуром с заостренным носом и плоской, выдающейся назад кормой. Фон лодки заштрихован горизонтальными, вертикальными и наклонными линиями. Нос и корма выдаются за пределы лодки. В лодке три человека – один на корме, держит кормовое весло, другой – посередине с копьём или веслом в руках, по-видимому, сидящий, поскольку он самый низкий в лодке; третий – на носу, очевидно, в стоячем положении: руки у него подняты и расставлены в броске гарпуна, от которого к киту тянется ремень. Между ними в лодке вертикально расположены какие-то жерди, возможно, копыя или гарпуны. Кит или киты изображены частично, плывущими: показаны спины, поднимающиеся над водой, и спинной плавник; нижний край рамки служит поверхностью моря. Над одним из китов – фонтан брызг. От гарпуна в спине кита почти через всю композицию понизу тянется ремень с двумя большими надутыми поплавками из шкуры нерпы – пых-пыхами, один на конце и один посередине, и двумя маленькими, ближе к животным. Чуть дальше изображена голова моржа, выглядывающего из воды, далее в вертикальном положении хвостовой плавник ныряющего кита и следом – изображение, похожее на спину кита с фонтаном из дыхательного отверстия. В этом же сюжете над китом и моржом размещены два крестика из прямых линий.

За первой лодкой на некотором удалении изображена вторая, а впереди – лодка меньшего разме-

ра, тоже как бы на удалении, с нечетко различимыми фигурами в ней, показанными условно – черточками. Контур второй лодки с четырьмя людьми повторяет первый, но внутренний фон отличается. Здесь штриховкой выделены три секции прямоугольной формы. Остальная поверхность лодки (в том числе прилегающая к корме и носу) оставлена не заштрихованной. Такое изображение лодки преобладает и в других сценах морской охоты на описываемой рукоятке. У человека, сидящего в носовой части лодки, руки слегка приподняты, а у кормового они в положении, характерном для человека, держащего кормовое весло.

Сразу за второй лодкой штрихами нанесено изображение человека с расставленными и поднятыми руками. Замыкают левую часть композиции в рамке две фигуры, одна из которых точно – олень, со схематично представленным туловищем в виде заштрихованного треугольника и двумя парами ног, показанных короткими ровными штрихами. Вторая фигура, в 2 раза меньше, показана вверх ногами по отношению ко всему сюжету и, возможно, изображает также оленя или, судя по контуру, зверя с хвостом – песца или собаку. Также вверх ногами по верхнему краю рамки этой композиции даны повернутые в разные стороны головы двух моржей. Справа композицию заключает фигура человека с луком в положении готовности к стрельбе. Все фигуры почти в одном масштабе.

Плоскость 1. Композиция 2 (рис. 1, 2).

Во второй половине этой плоскости, в рамке, дается почти зеркальное отображение сюжета, связанного с охотой на кита, – спина кита с фонтаном, вертикально поднятый хвостовой плавник ныряющего кита, спина кита с хвостовым плавником и брызгами у дыхательного отверстия и тянущимся от кита линем с поплавками, лодка с гребцами. Выше, над сценой морской охоты – два оленя мордами друг к другу и человек между ними. Руки у человека расставлены, в правой – посох. У оленей ноги подогнуты, как бы в беге. Позади одного оленя человек держит в поднятых руках копьё, касающееся оленя. И опять два простых крестика, как в сюжете охоты на морзверя.

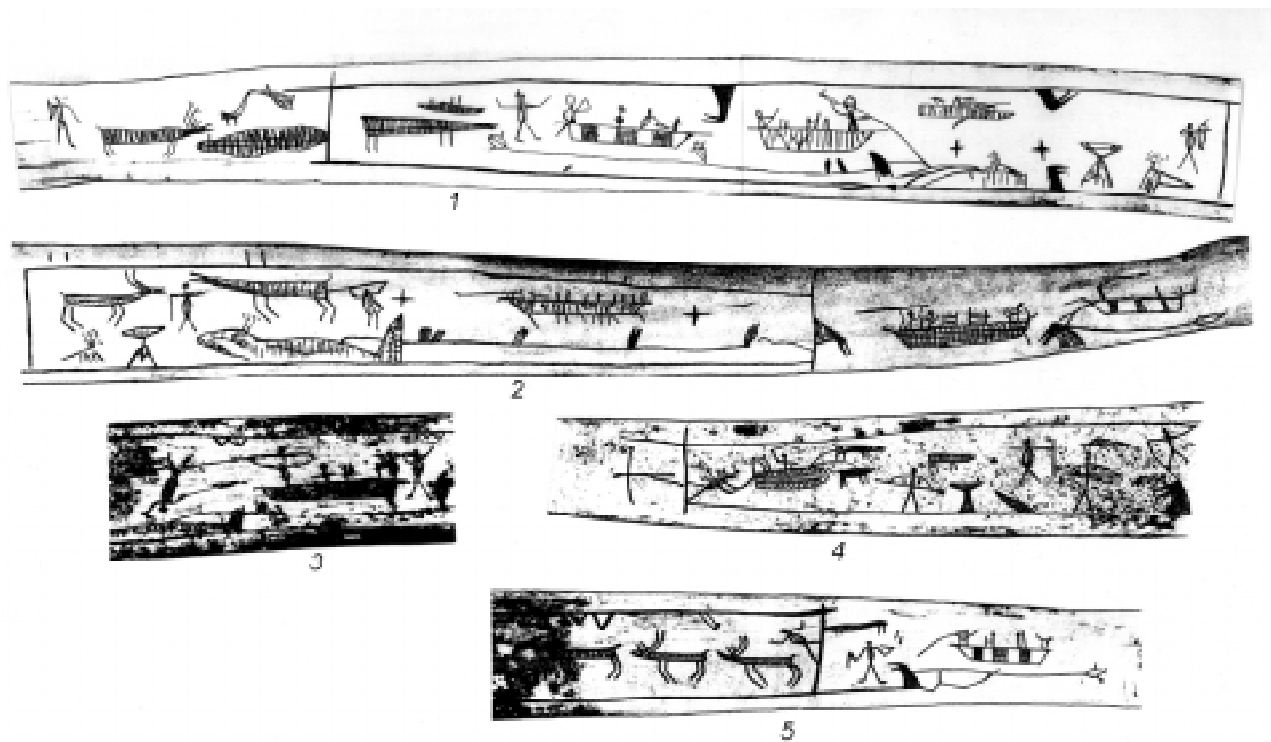

Рис. 1. Изображения на широких плоскостях рукоятки скребка (1–5)

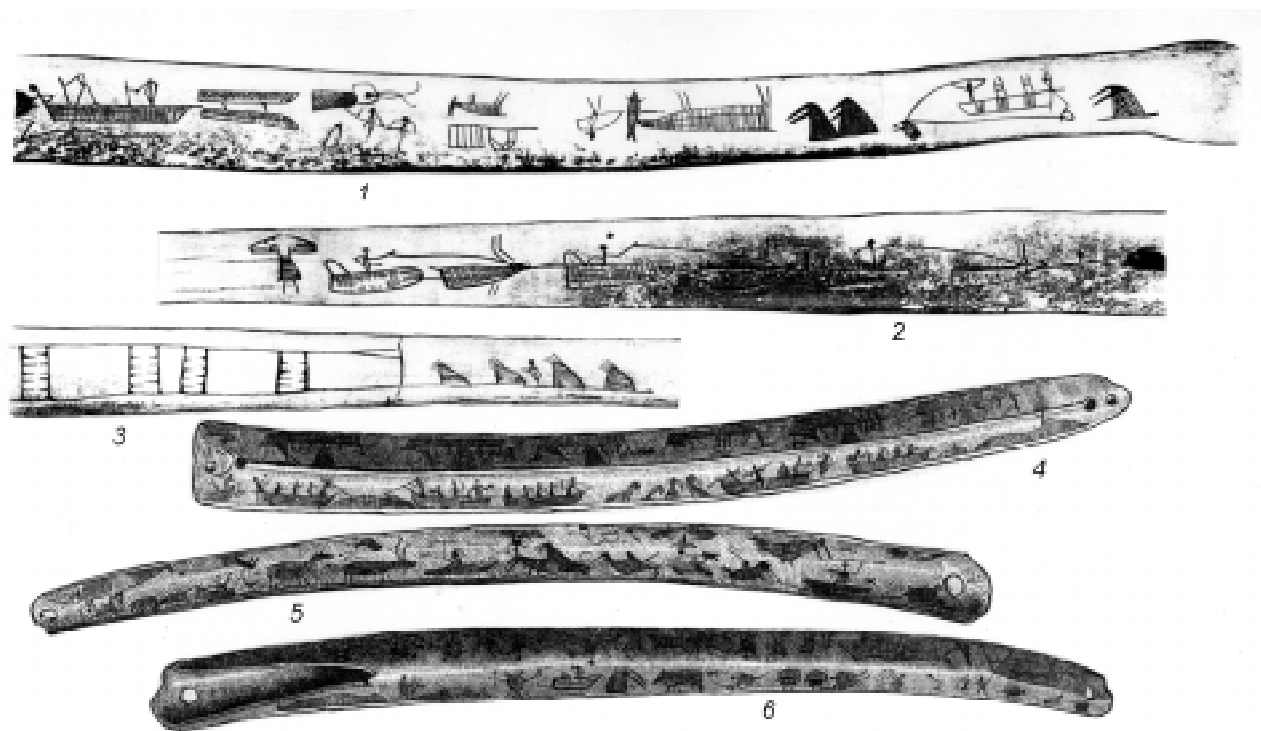

Рис. 2. Изображения на узких плоскостях рукоятки скребка (1–3); гравированные изделия с Чукотки (по [Ратцелю, 1986]) (4–6)

За пределами рамок, у левого края рукоятки отдельные фигуры стоящего человека; оленя с подогнутыми ногами и ветвистыми, с отростками, рогами; большой, судя по другим сюжетам, продолговато-аморфной туши морзверя (кит или морж) или расправленной для сушки шкуры; и птицы, стоящей на ногах, с длинной шеей и рыбой в клюве. У правого конца скребка, за пределами рамки изображены две многоместные лодки – умиаки, с гребцами в процессе охоты на моржей, чьи головы с бивнями показаны тут же. Один морж загарпунен, и видны копые, торчащее из моржа, и льинь с овальным поплавком на конце.

Этот сюжет охоты на моржа повторен и на узкой нижней (там, где расположено лезвие скребка) стороне рукоятке, и на обратной широкой стороне скребка, а также у края. Здесь только более четко прорисован гарпунер – с гарпуном в поднятых руках, линем, тянущимся от него к моржу, рулевой с веслом. Интересно, что иногда охотники, сидящие в умиаке между гарпунером на носу и рулевым на корме, изображены в виде абстрактных прямоугольников с поперечинами.

Плоскость 2. Композиция 1 (рис. 1, 4).

Вторая широкая плоскость также разделена рамками на две половины. Рисунки этой плоскости даны нами фрагментарно, поскольку поверхность скребка частично покрыта лишайниками, рисунки видны только при боковом свете, что не позволяет сделать качественную фотографию.

В рамке выгравированы, по-видимому, отдельные, не связанные друг с другом изображения. Самые многочисленные изображения человека, нанесенные по всей поверхности этой секции, – не менее 10 или больше. Они даны с копьем или посохом (либо копьем, на которое опираются, как на посох). Два изображения предварительно идентифицируются как наклонившийся и сидящий человек. Здесь же, у левого края рамки, одно изображение возницы на нартах, запряженных в двойку оленей. Нарты показаны сбоку – контуром и штриховкой, передающей ажурность их конструкции. Сзади у нарт спинка. Подобная конструкция упомянута Г.А. Сарычевым в конце XVIII в. при описании

нарт оленных чукчей: «невysокий задок из тонкой гнутой жерди с стоячими поперечными коротенькими столбиками», которые «подделывались...позади саней» [Сарычев, 1952. С. 266]. Одной рукой возница держит постромки, другая поднята с палкой-погонялкой.

В правой части этой рамки интересно изображение морского охотника в одиночной лодке – каяке. Его руки подняты в броске гарпуна в морское животное, от которого показана только часть спины. Такими животными могут быть, скорее всего, моржи, две головы которых с клыками изображены рядом, один за другим, по краю рамки и две, уже отчлененных от туш – в виде треугольников с двумя черточками – внутри рамки. Они связаны с изображениями людей, которые на этих моржей охотятся на суше (лежбище). Здесь же выгравирован хвостовой плавник кита в вертикальном положении, а рядом, как представляется, боковой плавник кашалота, как это можно часто увидеть в фильмах про китов, когда они ныряют. Тут же имеется изображение воина в панцире, тщательно заштрихованное сеточкой, такое же, как и на узких плоскостях (рис. 2, 2).

Плоскость 2. Композиция 2 (рис. 1, 3).

В правой рамке второй широкой плоскости изображена охота на двух многоместных лодках на кита (уже загарпуненного с плывущими за ним поплавками) и одной двухместной на моржа. Спина кита показана во всю длину, и видно, что он почти в 2 раза больше многоместной лодки. Здесь же дано изображение бегущих один за другим трех оленей с ветвистыми рогами и поднятыми хвостами (рис. 1, 5). В этой плоскости имеются три изображения человека, судя по позам – стоящего, идущего и бегущего (или что-то тянущего), все с поднятыми руками. По верху рамки (по отношению к изображению сцены охоты на кита и бегущим оленям) нанесены парные треугольники.

За пределами рамки – на левом конце рукоятки полузатертое изображение многоместной лодки с гарпунером, готовым к броску гарпуна, и креста или человека, а на правом конце (рис. 1, 5) – хорошо сохранившееся изображение охоты на моржа в море с лодки, в которой сидят четыре зверобоя (рис. 1, 5). Морж

уже загарпунен и тянет за собой льинь с поплавком. Кроме того, здесь нанесено полное изображение моржа, лежащего на берегу, и рядом – человека с расставленными руками и посохом (копьем?) в правой руке.

Нижняя узкая плоскость. Композиция 1 (рис. 2, 2).

Нижняя узкая плоскость естественно делится отверстием под скребок на две половины, каждой из которых соответствуют своя композиция.

Одна часть этой плоскости рукоятки полностью занята изображением каравана из трех упряжек запряженных в нарты оленей. У края этого сюжета помещено изображение воина в латах. Олени представлены схематично, удлинненным треугольником, с поднятыми головами, рогами в две ломаные линии. На нартах, выполненных ажурными продольными и поперечными линиями, со спинкой сзади, размещаются седоки, все олени и нарты соединены в одну линию. Руки возниц широко расставлены. Впереди караван ведет человек. Подобное описание каравана дает и Г.А. Сарычев: «В санки запрягают для скорой езды по два, а под тягости по одному оленю; тянут они лямками, которые надевают на оленей... Когда везут кладь, то по большей части запрягают в санки по одному только оленю, и управляющий чукча идет впереди пешком и ведет оленя за повод. К задку санок привязывают поводок другого оленя, запряженного в другие санки, а за ним третьего и так далее» [1952. С. 266–267].

Нижняя узкая плоскость. Композиция 2 (рис. 2, 1).

В правой части этой плоскости сюжеты более разнообразны – охота на кита и моржей с лодки, изображения оленей и людей, лодок и др. Здесь не все изображения понятны. Сложно дать интерпретацию изображений оленей с рыбой или нерпой перед мордой или в пасти. Одного оленя, возможно, человек ведет на поводку, хотя, это, возможно, изображение охоты, при которой человек копьем поражает оленя. Двойное (зеркальное) изображение лодок, видимо, показывает их хранение на вешалах зимой. Здесь имеется еще несколько трудно объяснимых изображений.

Верхняя плоскость (рис. 2, 3).

Верхняя узкая плоскость боль-

ше орнаментирована и разделена на 16 маленьких секций прямоугольной формы. В одном прямоугольнике – человек с копьем в поднятых руках, в другом – распластанное изображение животного (вероятно, пушного) с хвостом, в третьем – голова моржа с бивнями. На одном из концов этой плоскости, вне выделенных прямоугольников, имеется линейное изображение голов моржа, но со множеством бивней для создания впечатления большого количества животных. Посередине стоит человек ростом с эти головы. Хотя возможна и другая интерпретация этого изображения, например, как наземных жилищ – яранг, с торчащими у дымового отверстия жердями. Так они изображены, правда, несколько более отчетливо, на рукоятке сверла из моржового клыка возрастом 300–400 лет из могилы с о. Баффинова Земля (Арктическая Канада) [McCartney, 1980. Fig. 1].

В секциях изображены воины в защитных доспехах. В этой плоскости, симметрично, на расстоянии 4–5 см от центра засверлены два неглубоких (около 2,5 мм), ровных (диаметром 0,55 см) отверстия.

Один из повторяющихся мотивов – воин в панцирных доспехах – рисунок в виде узкого треугольника с надетым на него сверху пятиугольником с широким основанием. Такого воина можно видеть в скульптуре, изображающей чукчу в панцирной одежде [Иванов, 1954. Рис. 29]. Нижний треугольник воспроизводил доспехи из пластин, сделанных из моржового клыка или рога. На это указывают и схематически показанные двумя черточками ноги на рисунке. Верхний пятиугольник изображал щиты (обычно несколько, соединенных вместе), которыми воины укрывали верхнюю часть тела и голову, как это показано у В.Г. Богораза [1991. Рис. 84].

Таким образом, рисунки на описанной рукоятки скребка дают дополнительную, а некоторые из сюжетов – уникальную информацию об изобразительном искусстве народов Севера, позволяют восстанавливать при археологических исследованиях детали использования отдельных предметов, а также в целом быта, охоты и других видов деятельности чукчей и эскимосов.

С Чукотки известно еще несколько костяных (клык моржа)

предметов (рукоятки) с подобными выгравированными изображениями (рис. 2, 4–6). Некоторые, хранящиеся в музее Франкфурта-на-Майне, были опубликованы в книге Фридриха Ратцеля «Народоведение» в 1896 г. в Санкт-Петербурге, в которой сказано, что «костяные палочки рассказывают его (чукчи. – С.С.) охотничьи похождения [Ратцель, 1896. С. 571]. Из схожих сюжетов на них – характерное изображение голов моржей с клыками, как бы выглядывающих из воды. Они идут также по краю изображения, очерченному линией, изображающей водную гладь. Контурные изображений тоже заштрихованы глубокой резьбой. В схожей технике гравировки показаны туши китов и моржей в виде овально-продолговатых контуров; лодки имеют выступы на носу и корме, поплавки из шкуры нерпы и люди с луками. Из отличий – у Ратцеля изображены лодки с парусом, жилища.

Стиль нанесения рисунка на рукоятке скребка и этих костяных рукояток сходен со стилем других гравированных изображений и петроглифов Чукотки и американского севера и, в частности, Пегтымельских петроглифов. Олени имеют треугольную стилизацию и подогнутые ноги [Диков, 1971. С. 46, рис. 36]. В одном стиле показаны некоторые изображения людей [Там же. С. 93, Камень I-7], лодок [Там же. С. 102, Камень IV-28], охоты на кита [Там же. С. 124, Камень III-14; XI-99].

В Государственном музее этнографии народов России в Санкт-Петербурге подобные изделия в небольшом количестве известны в коллекции резной кости XIX – начала XX в. эскимосов и алеутов [Орлова, 1964; Митлянская, 1976. Рис. 16, 17].

Из наиболее ранних подобных сюжетов выгравированных на кости (рукоятки снежных ножей, рукоятки лучковых сверл) известны изображения на стоянке Туле около зал. Резольюте, в захоронении в зал. Адмиралти и на о. Баффинова Земля, все возрастом 300–1000 лет в арктической Канаде [McCartney, 1980. С. 522–524]. На них изображены лодки – умиаки, гребцы в них, рулевой, гарпунер, спины китов, поднимающиеся над водой. Интересно, что плоскость для нанесения гравировки на канадских изделиях, так же как на Чукотке, делилась на части

посередине и бралась в рамку; рисунки наносились как по низу рамки, так и по ее верху – вверх ногами к остальным изображениям [Dumond, 1987. Fig. 107].

Литература

Артюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – 240 с.

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. – М.: Наука, 1977. – 391 с.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Диков Н.Н. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пегтымеля). – М.: Наука, 1971. – 130 с.

Днепровский К.А. Динамика древнеэскимосской культуры Чукотки в эпоху Бирника и раннего Пунука (по материалам археологического комплекса Эквен): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001. – 27 с.

Иванов О.Н. Новые находки памятников древнеэскимосской культуры на западном побережье Берингова пролива // История и культура народов севера Дальнего Востока. – М.: Наука, 1967. – С. 42–44.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. – М.; Л.: АН СССР, 1954. – 838 с.

Митлянская Т.Б. Художники Чукотки. – М.: Изобраз. искусство, 1976. – 208 с.

Орлова Е.П. Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1964. – 110 с.

Ратцель Ф. Народоведение. – СПб.: Просвещение, 1896. – Т. 1. – 764 с.

Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. – М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1952. – 325 с.

Dumond D. The Eskimos and Aleuts. – Thames and Hudson, 1987. – 180 p.

McCartney A.P. The Nature of Thule Eskimo whale use // Arctic. – 1980. – P. 517–541.

